

Сухбат
АФЛАТУНИ

от автора
«Поклонения волхвов»!

ДИКИЙ ПЛЯЖ

Посвящается всем любящим и любимым

Символы эпохи. Проза толстых
литературных журналов

Сухбат Афлатуни
Дикий пляж (сборник)

«РИПОЛ Классик»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Афлатуни С.

Дикий пляж (сборник) / С. Афлатуни — «РИПОЛ Классик»,
2016 — (Символы эпохи. Проза толстых литературных
журналов)

ISBN 978-5-386-09597-0

Что такое Средняя Азия? Страна Равшана и Джамшу-та, униженная, оскорбленная, в дешевых стразах и искусственном шелке, страна рыночных задворков и непроизносимых имен водителей маршруток?.. Или же это страна любвеобильной Шахерезады, сказочного Синдбада-морехода и пройдохи Аладдина? Сухбат Афлатуни не дает однозначных ответов. Его Азия – очень разная. Вот дочь садовода, которая после смерти отца помешалась и стала деревом. А вот пери – мусульманская райская «фея», эскорт иностранца, приехавшего в Россию лечить разбитое сердце. А еще – любимая бабушка, прилетевшая со звезды на тарелке и оставшаяся на земле с мужчиной... все они похожи на вымысел, но в каждом вымысле есть доля правды...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-09597-0

© Афлатуни С., 2016
© РИПОЛ Классик, 2016

Содержание

Русский музей	6
Наверх!	11
Совращенцы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сухбат Афлатуни

Дикий пляж

© Афлатуни Сухбат, 2016

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

Русский музей

Дверь была открыта, в коридоре – свалка. Наметанным глазом он оглядел ее. Рожок для обуви? Повертел в руках.

В кресле сидела Яло и тыкала в мобильник. Бедра обмотаны шарфом.

– Привет! – Он оглядел комнату. Понял, что все еще держит рожок, положил его.

Яло подняла глаза:

– А, Сережа... – Она тоже называла его Сережей. – Чай будешь?

Она пошла на кухню, он продолжал разглядывать комнату. Сервиз был на месте. Потрогал абажур над головой, запахло пылью. С кухни засопел чайник.

Яло стояла у плиты и грела ладонь над паром. Стала поправлять шарф на бедрах.

– Как дела? – спросила, глядя на чайник.

Чайник уже пускал молочный пар.

– Дела – у прокурора...

– Слей это. – Сунула ему чайник со старой заваркой.

Снова коридор, горы обуви. Носик чайника слегка отбит, но это не трагедия. Тоже пригодится.

Ощупал стену в поисках выключателя. Вспомнил, как приносил сюда стульчик, снимал тапки и вставал, чтобы дотянуться. Снимать тапочки его приучила Баболя.

Зажглась лампочка в самодельном абажуре, он помнил, как Баболя его делала, а он стоял возле стола. Внутри ванной тоже было, как раньше. Сидушка с натянутым на нее вязаньем. Щетки с окаменелыми комочками пасты. Узнал свою, маленькую.

Яло курила на балкончике.

Отложила сигарету, заварила ему чай.

– Как она? – спросил он, грея ладонь о чашку.

– Сейчас увидишь.

Он поднес чашку к лицу и погрел ею губы. В квартире холоднее, чем на улице.

– Пойду скажу, что ты пришел. – Яло поднялась. Пока он ходил, она причесалась, исчез шарф. Ей где-то двадцать три. Как и его второй жене, теперь уже бывшей.

– Она не спит?

– В шесть просыпается. – Яло зевнула. – А потом у нас утренние процедуры.

– Думал, еще спит.

– Говорю, в шесть, а иногда в пять. Плохо слышать стала.

– А что с отъездом?

– Что – с отъездом? Пока жива – какой отъезд? На днях что заявила? «Пока не свозите в Ленинград, не помру, буду вас мучить...» Налить еще?

Он пододвинул чашку.

– Я говорю ей, – Яло подняла чайник, – «Куда тебя такую везти, в какой Ленинград?..»

– А кровать?

– Что – кровать?.. На месте, блин, куда ей деться...

– Вну-у-ча! – донеслось из спальни.

– Че-е-его?! Ну, че-е-его тебе?!!

Голос Баболи был тем же, без перемен.

– Вну-у-ченька!

– Не слышит, блин, тетеря.

Яло плюхнула чайник, крышка покатилась, он успел поймать.

Баболя была его няней. Баба Оля, если правильно. Но все ее называли Баболей. И он ее так называл.

Родители весь день работали. Родственников в этом городе, куда их прислали по распределению, у них не было. С детсадом тоже не получилось. Больше болел, чем ходил туда. И ничего не мог там есть. Родители не знали, что с ним делать. И отдали Баболе.

Ему было два года. Он еще не говорил. «Сирожетдин? – переспросила Баболя мать. – Будет Сережа».

Баболя жила с внучкой, высокой, еще и туфли на каблуке. Внучка только окончила школу, уехала в Ташкент поступать в пединститут. Поэтому Баболя была одна. Внучка пару раз приезжала, они закрывались в спальне, шептались. Иногда шепот переходил в крик. Кричала внучка, Баболя голоса не повышала, держала питерскую марку.

А у него с Баболей все складывалось отлично. Он ел все, что она готовила. Она накрывала стол в гостиной. «Сервировала», – говорила она. Даже обычный суп они ели из сервиза. Хотя обычных супов у нее не бывало, все с выдумкой. Не так, как в садике, не так, как дома, не так, как в Ургенче у бабушек и дедушек, куда его возили два раза. Оба раза в Ургенче он болел, перепугав своих родных бабушек. А у Баболи даже не пытался заболеть.

На выходные он бывал дома с родителями. Смотрел телевизор или гулял сам во дворе. Родители между собой говорили по-узбекски, а с ним – по-русски. Ему делалось скучно, и он шел к Баболе, в выходные тоже. Стучал в дверь условным стуком. «Иду-иду», – слышалось изнутри. И звук каблуков. Баболя дома ходила в той же парадной обуви, что и на улице. Тапок не признавала. Только когда ноги распухли, перешла на тапки, нарядные, с меховыми помпонами. Он пару раз тайно терся о них щекой.

Телевизора у Баболи не было, она сама была живой телевизор. Читала ему книжки, напевала песни, много рассказывала. О своей жизни, о Ленинграде, о войне. Иногда вытягивала (он помогал) из шкафа толстую книгу. «Ры... У... Ру... Рус...» – читал он по буквам. «Русский музей», – читал позже, уже научившись. В этом Русском музее до войны работала Баболя. В книге, правда, про Баболю ничего не было, ни ее портрета, ни фотографии. Но Баболя на эту несправедливость не обращала внимания. Они садились в кресло (то самое, в котором, когда пришел, сидела Яло) и перелистывали тяжелые гладкие страницы.

Но самой его любимой вещью у Баболи был не альбом и даже не чашечка с надписью «Ленинград», из которой он пил Баболин чай с медом. Самой любимой вещью была кровать.

Это была настоящая царская кровать. Большая, в полкомнаты.

Сейчас, зайдя к Баболе, он вначале видит ее, огромную, царскую кровать.

Кровать была цела. Все завитушки, маленькие колонны, инкрустации. Все играло и поблескивало в полоске света, падавшего сквозь прикрытые шторы.

Баболя, маленькая, сухая, почти терялась во всем этом.

Она подняла к нему свою маленькую руку:

– Сережа... Как вы повзрослели...

Это она говорила ему всегда, когда он приходил. И всегда обращалась на «вы».

Он взял ее ладонь и поцеловал. Другой рукой сжал ребро кровати. Там, где из дерева был вырезан лев.

В детстве он думал, что эту кровать Баболя привезла из сказочного Ленинграда. Может, даже прилетела на ней, как на ковре-самолете. Захватила ее из своего Русского музея, вместе с сервизом и тяжелыми серебряными вилками и ножами, которыми она учила его пользоваться.

Потом он узнал, что все было не так. Узнал, кстати, от Яло, дочки той самой красавицы на каблуках, так и не окончившей пединститут. Вместо диплома об окончании та вернулась с крошечной Яло на руках. И уехала одна обратно, устраивать личную жизнь. Он тогда стал

ходить в школу и реже бывать у Баболи. А Яло тогда еще звали Олей, в честь прабабушки. Она и сейчас была по паспорту Ольгой. Яло, Олей наоборот, стала называть себя, посмотрев в детстве «Королевство кривых зеркал». Чтобы отличаться от Баболи, на которую и правда не была ничем похожа. Ни характером, ни манерами, ни внешностью. Баболя, особенно в молодости, была похожа на классическую статую. А Яло – на матрешку. Щекастая, большеротая, нос картошечкой. Яло с детства отказывалась пользоваться ножом и вилок, не любила альбомы с репродукциями и Баболины рассказы о Ленинграде и его пригородах. Но, когда Баболя слегла, Яло как-то ухаживала за ней. Старалась не повышать голос, выносила горшок, делала, как умела, уколы. Только когда Яло надумала перебраться в Москву, начала интересоваться, сколько Баболя еще собирается прожить и не пора ли подумать о вечном. Тащить ее с собой в Москву в планы Яло не входило. Да и не выдержит. Нетранспортабельна.

То, что Баболя жила до войны в Питере, было правдой. Но была из простой семьи, а в Русском музее работала вначале уборщицей, а потом кассиром. Повышение до кассира произошло благодаря первому Баболиному мужу, известному искусствоведу. Он, маленький, сутулый итальянец, умел ценить красоту во всех ее проявлениях. Они сошлись, он стал энергично приобщать ее к прекрасному. Их семейная жизнь была наполнена его лекциями и разговорами на возвышенные темы. В тридцать восьмом его расстреляли, ее, однако, не тронули. Она продолжала жить в его маленькой квартире на Мойке, сохраняя в ней музейную чистоту и благолепие.

В начале блокады ей пришлось эвакуироваться – в дом попал снаряд. Вывозить было нечего, обстановка погибла в огне. С одним беженским чемоданом Баболя оказалась здесь, без работы, без мужчины и без утонченной жизни, к которой привыкла. Работа скоро нашлась, бухгалтером в стройуправлении. Появились и ухажеры из неразобранных на фронт мужчин; тонкую красоту Баболи умели оценить не только искусствоведы, но и особи попроще. Труднее всего было с налаживанием культурной жизни. Еще в Ташкенте можно было найти соответствующую себе среду, но в этом городке, куда ее забросила война, царило обычное провинциальное варварство.

Вскоре к Баболе посватался один местный начальник, из евреев, бывший к тому же известным мастером-краснодеревщиком. Как сочетал он свою должность с вырезанием замечательных стульев, сундуков и шкатулок, неизвестно; такие люди тогда еще встречались. Баболе засветила сытная и относительно культурная жизнь. Но она выставила условие: Семен Маркович должен был изготовить ей к свадьбе особую, королевскую кровать. И Семен Маркович с энтузиазмом принялся за дело, набрал в горбиблиотеке книжек по искусству, обсуждал с Бабой первые эскизы. Баболя требовала убрать мещанских амуров, а ножки сделать в виде львиных лап. Кровать создавалась долго, как и положено шедевру, была завершена только в сорок четвертом; тогда же они оформили свои отношения. Жили небогато, но копейка в доме водилась, сбережения Баболя тратила на изысканные вещи. Родилась дочь, в семейных заботах пролетали годы. На царской постели спала одна Баболя, а Семен Маркович – в углу на раскладушке: на собственном шедевре ему как-то не спалось.

В пятьдесят восьмом собрались ехать в Ленинград, Баболя волновалась перед встречей с городом своей молодости. Но поездка не состоялась: умер Семен Маркович. Баболя тихо билась головой о спинку кровати; по мордам львов и грифонов текли ее слезы. В Ленинград больше из суеверия не собиралась, хотя и мучительно скучала. В счастливых снах ей снились Русский музей, ведро с тряпкой и исчезнувшая молодость. Выйдя на пенсию, Баболя стала сидеть за скромную плату с детьми, которых ей подбрасывали соседи и знакомые. Ненавязчиво обучала их манерам, правильной речи и любви ко всему прекрасному. И рассказывала им о Ленинграде, о белых ночах, мостах, адмиралтейской игле и прочих чудесах.

Он, ставший с ее легкой руки Сережей, был уже в «последнем эшелоне» ее воспитанников. Он помнил, как к ней приходили взрослые люди, приносили цветы и целовали ей руку. В девяностые почти все они разъехались; многие выбрали Ленинград, ставший уже Питером. А он остался. Пару раз не слишком удачно женился, занимался бизнесом: кафе, пельменная, еще кафе... Была квартира в центре, был старый, колониальной постройки, дом, машина, само собой. Художник, делавший второе его кафе (тоже баболинский «кадр», и тоже потом дернул), предложил оформить интерьер в стиле ретро. Наташили старых столов, стульев, приволокли комод, развесили старые фотографии, картины... Что-то – с толкучки, что-то купили у знакомых; один стул работы Семена Марковича пожертвовала Баболя. Оглядев результат, он понял, что это как раз то, чего душе не хватало: в нем проснулся коллекционер.

Он начал жадно собирать исчезающую обстановку. Громоздкие люстры, половики, тарелки, целые и с тонкой, как волос, трещинкой. Вышедшие сто лет назад из моды платья и пиджаки на ватине. Затвердевшие детские соски-ромашки и фотопортреты со следами неумелой ретуши.

Все это он хранил в доме, который все больше напоминал музей. Он так и называл его про себя – Русский музей; основные его экспонаты были задешево куплены или получены в подарок у уезжавших русских. Со временем, когда они все уедут, а оставшиеся растворятся среди местных, он откроет частный музей. В него будут приходить люди и удивляться.

Это было второй причиной его заездов, раз в полгода, к Баболе. Он собирался приобрести всю ее обстановку, от чайного сервиза до тапок с помпонами. Но главное – кровать. Кровать, на которой он пару раз в детстве тайно лежал (детей Баболя на нее не пускала).

Он просидел у Баболи час. Длинное солнечное пятно ползло по кровати, освещая все новые красоты. Весь час Баболя говорила о Ленинграде и о своем решении повидать его перед смертью. Ее повезут в кресле-каталке, она так решила. Уже выработала маршрут; она хочет, чтобы он его послушал. Ее провезут по Невскому, потом завернут к Екатерининскому каналу... да, он теперь имени Грибоедова. Вода там точно зеркало, и очень забавные чайки. Их можно покормить хлебом, она кормила их раньше, и еще голубей. Голубей ели в блокаду. Она рассказывала ему про блокаду? А потом надо повернуть направо, там уже музей, ее вотчина. Там мраморная лестница, которую так легко и приятно было мыть, там картины, там великий Брюллов. А после этого можно уже умереть, правда, Сереженька?..

– А что, ее совсем нельзя свозить в Питер? – спросил он Яло, уже обуваясь в коридоре. – Я бы помог... деньгами...

Туфли никак не надевались; рожок остался где-то в комнате.

– Да ее, блин, вообще с кровати трогать нельзя, – скривилась Яло. – В больницу даже не берут, с ее диагнозом...

Он резко притянул к себе Яло. Она освободилась, поправила волосы:

– Не надо... Не сейчас.

Он не стал спрашивать «когда». Попрощался, завязал шнурки и вышел. С Яло они уже договорились насчет обстановки.

Вскоре после этого Баболя позвала ее к себе в комнату. Лил дождь. Кровать казалась темной.

– Я умираю, – тихо объявила Баболя.

Яло подошла, села на край кровати.

– А как же Ленинград? – спросила, помолчав.

– Так вы же меня уже свозили... – Баболя погладила ей руку. – Все, повидала его, теперь можно и...

Яло быстро вышла на кухню, поискала сигарету. Позвонила оставшейся родне, оставшимся баболиным воспитанникам, бросила сообщение на «Одноклассники». Еще раз позвонила Сереже, но он не отзывался. Швырнула окурочек в ведро, обмоталась шарфом и пошла к Баболе.

А Сирожетдин, он же Сережа, шел в это время вдоль канала Грибоедова. Легкие снежинки летели навстречу и гасли на его лице. Внизу бесшумно качался канал, вода еще не успела схватиться льдом. Покрикивали чайки, и он улыбался их крику.

Он прилетел сюда через три дня после заезда к Баболе; выходя от Баболи, получил приглашение. Один из друзей (тот самый художник) звал его на свадьбу. В Питере, как-то получилось, он еще не бывал. В Пулково его встречали, повезли через город. Город придавил его своей красотой. До свадьбы оставалось несколько пустых дней, он гулял по центру и благодаря Баболиным рассказам отлично ориентировался. Успел познакомиться с девушкой. Нет, пока ничего серьезного, посидели в кафе, поговорили. Договорились о встрече. Она пришла. Теперь она шла рядом с ним; дома, покачиваясь, плыли вдоль ее лица. Он слегка оттопырил руку в локте, как его учила Баболя, и почувствовал, как в возникший проем легко проникла женская ладонь в перчатке.

Сообщения он эти пару дней не проверял и не отвечал на звонки: подождут.

О том, что Баболи не стало, узнал только на свадьбе. Там пришло еще несколько «баболинских», помянули, сбившись в кружок. Стали скидываться на памятник. Он вышел и стал звонить Яло. Объяснил ситуацию, извинился. Сказал, что привезет денег. Поинтересовался насчет обстановки.

– Все на месте. – Яло зевнула, там была уже ночь. – Приезжай скорее...

Яло не стала говорить ему насчет кровати. Приедет – узнает.

Кровати уже не было.

Когда на похоронах ее потребовалось немного сдвинуть, она рассыпалась.

Пришедших было много. Многие еще помнили Баболю. Каждый унес с собой на память по фрагменту развалившейся кровати. Яло обнаружила это не сразу, а обнаружив, махнула рукой. Эту кровать она ненавидела.

Наверх!

Утро в девятиэтажке.

Обычное утро в самой обычной девятиэтажке. На первом этаже пахнет жареным луком, открывается дверь, дети уходят в школу. Прощаются, топают вниз, дверь закрывается, запах лука остается.

На пятом этаже оживает железная дверь, выходит Сухроб-ака¹. Белая рубашка, черный галстук, запах дезодоранта. Очень похож на начальника, для полного сходства только чего-то не хватает. «Та-а-ак!» – говорит Сухроб-ака. Вот теперь, после этого «та-а-ак!», он уже совершенно начальник, даже муха, ползущая по дверце лифта, останавливается и поглядывает на него с почтением. А может, просто его белой рубашкой заинтересовалась, кто ее знает?

«Кисочки! Кисочки! Мои кисочки!» Открывается дверь на восьмом, и две кошки, вернувшиеся со своих ночных занятий, ракетами залетают внутрь. Выглядывает седая голова в очках, присматривается, втягивается обратно, тарахтит замок, звякает цепочка.

На втором этаже начинается уборка. Машхура-хон, двадцать два года, ведро, тряпка, ручьи по ступенькам.

«А-а, убираемся? Субботник делаем? – спускается с третьего Рыхсыбой-ака, он же Шпион Иваныч. – Правильно. Молодец. А воды зачем столько? Как какой? Воду экономить надо. Вода – наше богатство. Аш-два-о! Всему вас, так сказать, учить приходится!»

Машхура-хон смотрит ему вслед, отжимает тряпку, вздыхает.

В этот момент на седьмом этаже происходит борьба: пухлый мужской палец борется с кнопкой вызова лифта. Давит на нее, теребит, постукивает, скребет ногтем. Кнопка горит нежным рубиновым светом, лифт не шелохнется. Палец наносит еще несколько ударов и исчезает. Появляется кулак и бьет по красному огоньку. «Мама! Мама, лифт опять не работает! – Олим-ака дует на отбитый кулак. – Позвоните вашему лифтеру!» – «Почему это он мой? – Появляется Бриллиант Садыковна в махровом халате. – Весь подъезд на лифте катается – а как звонить лифтеру... Сам вот возьми один раз и набери номер, как мужчина... Э, это что такое? Опять синюю рубашку надел? Влюбился в нее, что ли? Целую неделю одну рубашку таскает, видел бы это твой покойный отец! Тридцать пять лет, а до сих пор ни кандидат наук, ни внуков мне на старость лет не обеспечил, и все в одной и той же рубашке!» – «Мама. – Олим-ака складывает ладони и поднимает брови. – Я вас прошу... Нас сейчас весь подъезд слушает...»

«А, Олим-ака! – Сверху спускается Сухроб-ака. – Добрый день, добрый день! Бриллиант-опа, как здоровье, как успехи?» – «Какие успехи... – отмахивается Бриллиант Садыковна. – Давление, радикулит, сын никак не защитится, а тут еще лифт не работает». – «Да, – кивает Сухроб-ака, – лифт – это проблема. Помните, как Марлен-ака застрял?» – «Какой Марлен-ака? Из двадцать седьмой, что ли?» – «Как раз под Новый год. Лифтеров нет, гуляют, так весь праздник, бедный, и просидел. Только первого января на свободу вышел». – «А-а, ничего, ему полезно было, – говорит Бриллиант Садыковна. – Хоть один праздник пьяным не напился. Теперь, говорят, вообще пить бросил... (Олиму, вполголоса: «Вернись, говорю, домой, перемени рубашку»). А помните, как Кадыржон с Машхурой, Малики-опы внучкой, в лифте вдвоем застряли? Два часа там провели, пришлось потом их поженить, чтобы в махалле разговоров не было...» – «Они, кажется, и до этого встречались». – «Встречаться – одно, а тут два часа в совершенно изолированном помещении. А вы знаете, какая сейчас

¹ Ака – старший брат, уважительное обращение к мужчине.

молодежь! То-о-олько отвернешься – уже черт знает чем занимаются!.. Эх, ладно, пойду лифтеру звонить...»

Сухроб-ака прощается и спускается вниз, унося облако дезодоранта. «Заходите в гости! – кричит ему вслед Бриллиант Садыковна и тут же поворачивается к сыну: – Видел, как у него рубашка заправлена? Кто так заправляет рубашку, тот в жизни всего добьется. Вот, человек в милиции работает, машину купил, жену взял с двумя иностранными языками. А ты что? Десять лет одну кандидатскую пишешь-пишешь, да еще эту рубашку надел, в могилу меня свести мечтаешь, наверное!»

Сухроб-ака останавливается пролетом ниже. «Мама, – звучит сверху хрипловатый тенор, – мама, я опаздываю на работу!» – «Лучше опоздать, чем появляться в таком позорном одеянии!»

Сухроб-ака спускается. На следующей лестничной площадке перед лифтом стоит нечеткая личность в шлепанцах и майке с надписью «Memento mori. Одежда для Вас и Вашей семьи».

«Не работает», – говорит Сухроб-ака, проходя мимо.

«Что? А... Спасибо».

Сухроб-ака спускается еще ниже, мужчина в майке остается.

Мужчина в майке проводит пальцем по дверце лифта:

– Так, горячим майским утром началась эта история. Подъезд просыпался, потягивался, чистил зубы, хлопал дверцами холодильников, брился, ругался, собирал детей в школу и сам собирался на работу и просто по делам. Ничего, как говорят в таких случаях, не предвещало испытаний, которые вскоре придется пережить нашему подъезду. Хотя нет, кое-что предвещало – лифт уже не работал...

Нажимает рубиновую кнопку.

Тишина.

– Вот, сами видите. Да, все началось с этой очередной поломки. Бриллиант Садыковна вызвала лифтера... Слышите?

Сверху доносится приятный женский бас: «Алло! Алло! Вы там все что, уснули что ли, а? Как это – „кто говорит“? Я говорю!»

– Пришел лифтер... Потом, когда уже все случилось, одни утверждали, что лифтер еле держался на ногах. Другие возражали, что он был трезв, а качался оттого, что вдруг подул сильный ветер, небо потемнело и загредел гром. Третьи рассказывали, что никакого грома не было, да и лифтера не было, а вместо него пришел какой-то человек в кепке, надвинутой на глаза, постоял у лифта, пошевелил усами. И ушел, напевая с кавказским акцентом начало известной темы Людвиг ван Бетховена «Так судьба стучится в дверь».

Та-та-та там... Та-та-та та-а-ам!..

– И лифт заработал. И остаток дня жители и гости нашего подъезда ездили, радуясь, вверх-вниз... А может, и не радуясь – честно сказать, радоваться внутри лифта особенно нечему. Лампочка слабая, вот-вот погаснет. Кабинка качается, будто вот-вот упадет. Запах... своеобразный. Как тридцать лет назад нашу девятиэтажку сдали, так та же самая кабинка вверх-вниз и бежит. Правда, надписи внутри интересные – по ним всю историю нашего подъезда изучать можно. Например, «Рустам + Нигора = Л»: как в воду тот, кто писал, глядел, такая «Л» у них была, Ромео с Джульеттой от зависти бы умерли. Хотели пожениться, как только Рустам из армии вернется. А его в Афган отправили, ну и... не вернулся. Вот так. Уравнение в кабине после этого, конечно, исправить бы надо было. «Нигора – Рустам = Л». Потому что Рустама у Нигоры отняли, а «Л» осталась. Сколько мы ее успокаивали, сколько объясняли, что жизнь продолжается, она еще молодая...

Отворачивается, скребет ногтем дверцу, пытаясь что-то счистить.

– Или другая историческая надпись. «Даша дура!» На видном месте. Вот эту надпись точно надо было исправить. В детстве она, конечно, не вундеркинд была. Мама ее, тетя Вера из шестнадцатой, еще кричала: «Дашка-а! Опять в дневнике “Лебединое озеро” принесла?!» Зато потом, когда Даша выросла, поехало: одна олимпийская победа, вторая. По телевизору показывают... Недавно в гости сюда приходила, она теперь в другом районе живет, мы с ней как раз вместе в лифте оказались. Я и Даша. Или, как ее теперь официально, Дарья... И вот, значит, едем, разговариваем, о погоде, о детях. И тут она, как назло, эту надпись видит. Неудобно как – уважаемая женщина, спортсмен, фотографии везде, а тут про нее крупными буквами такие вещи. Я думал – всё, обидится... А она, наоборот, так обрадовалась. Как будто, говорит, в детство вернулась! Сфотографировала эту надпись на свой мобильный, я еще дверь лифта держал, пока фотографировала...

Снова нажимает на кнопку. Красноватый свет от кнопки просвечивает через палец.

– Но я так, лирическое отступление... Короче, снова заработал лифт. Потом уже говорили, что стал он как будто немножко по-другому ездить. Маршрут, конечно, тот же. Но вот как будто немного быстрее. А Шпион Иваныч, Рыхсыбой-ака то есть, говорил, что во время движения как будто шепот стал чей-то слышен. А Шпион Иваныч у нас все слышит и все про всех знает. Всю жизнь в отделах кадров проработал, давно уже на заслуженном отдыхе, но в виде хобби на каждого из соседей ведет личное дело... Со Шпион Иваныча все на следующее утро и началось.

Утро в девятиэтажке.

На первом этаже пахнет жареным луком, открывается дверь, дети уходят в школу, прощаются, топают вниз, дверь закрывается, запах лука остается.

На пятом этаже выходит Сухроб-ака, рубашка, галстук, дезодорант. «Та-а-ак!» Муха, ползущая по дверце лифта, почтительно замирает.

«Кисочки! Кисочки! Мои кисочки!» Две кошки, Мария и Антуанетта, залетают в приоткрытую дверь.

Машхура-хон уже домыла до первого этажа, отжимает тряпку. Звук открывающегося лифта.

Выходит Шпион Иваныч: «А-а, убираемся? Субботник делаем? Молодец, заразительный пример подаешь. А тряпка почему такая дырявая, а? Да, вот эта самая! Следующий раз хорошую тряпку возьми, а не бракованную. Понятно? Эх, всему вас учить надо!» Выходит из подъезда. Машхура смотрит вслед, вздыхает, отжимает тряпку.

Звук открывающегося лифта.

Машхура яростно трет плитку.

Из лифта выходит Шпион Иваныч. «А-а, убираемся? Субботник делаем? Так держать! А море зачем такое разлила, а? На лодке прямо переплывать надо! Эх, всему вас учить надо! Из какой квартиры?.. Ладно, мне сейчас некогда». Выходит из подъезда.

Машхура медленно садится на мокрую ступеньку.

Машинально отжимает тряпку и прикладывает ко лбу.

На шум сбежался почти весь наш подъезд и даже жильцы соседних.

В середине толпы стоят два Шпион Иваныча и размахивают паспортами. Каждый обвиняет другого в том, что тот, другой, двойник, заброшенный вражескими спецслужбами для того, чтобы похитить у него, настоящего Шпион Иваныча, то есть Рыхсыбой-ака, секретные бумаги, секретные книги и секретные газеты.

– Та-ак, – говорит Сухроб-ака, сверяя оба паспорта. – Шпи... Рыхсыбой-ака!

Оба Шпион Иваныча поворачиваются.

– Вы, когда новый паспорт получали, прежний государству отдали?

– Отдал!.. Отдал!.. – синхронно кивают Шпион Иванычи.

– А может, теряли его когда? – Сухроб-ака старается говорить спокойно.

– Как можно! Я его постоянно ношу у сердца! – отвечают двойники, нежно поглаживая левый бок.

– Непорядок получается, – качает головой Сухроб-ака. – Один паспорт на имя гражданина Рыхсыбоя Кулокова, 1937 года рождения, выдан в 1997 году. А вот этот, на имя того же самого гражданина, всего три года назад... Чей из них чей?

– Вот мой.

– Вот мой.

Тут все наконец замечают, что тот, который указал на паспорт, выданный в девяносто третьем, выглядит как-то моложе. Конечно, Шпион Иваныч лет уже двадцать как не менялся: все такой же маленький, лысенький и энергичный. Но, видимо, процессы старения незаметно шли даже в нашем законсервированном Шпион Иваныче.

– А брата-близнеца системы «Хасан-Хусан» у вас случайно не имелось? – спрашивает Сухроб-ака того Шпион Иваныча, который постарше. – Или младшего?

– У меня наличия брата вообще не имелось! Сплошные сестры.

Народ задумчиво молчит. Слышно, как у Олим-ака, не успевшего позавтракать, бурчит в животе.

– А какой сейчас год, амака?² – неожиданно спрашивает Олим-ака.

– Как какой? Девяносто седьмой, – отвечает Шпион Иваныч, который помоложе. – Одна тысяча девятьсот девяносто седьмой. А ты сам кто такой? Что-то тебя не помню.

– Я Олим, Бриллиант-опы сын...

– Э, шутишь? Что я, Олима-студента не знаю, что ли! Худенький, как веточка. А у тебя вон живот и седина уже.

– Я не хочу вас обидеть, амака, – Олим-ака слегка подбирает живот, – но сейчас две тысячи одиннадцатый...

– Какой-какой?

– Кажется, – обращается ко всем Олим-ака, – в нашем подъезде завелась машина времени.

– Вой, товба!.. – всплескивает руками Бриллиант Садыковна. – Только машины времени на нашу голову не хватало!

Слышно, как в подъезде раскрываются дверцы лифта.

Из подъезда выходит незнакомая девочка лет пяти.

Удивленно смотрит на собрание. Здоровается, тихо, с неуверенным поклоном.

– Ну вот! – показывает на нее Шпион Иваныч-младший, – А вы говорите – две тысячи одиннадцатый... Это же Машхурочка, Малики-опы внучка!

К девочке медленно подходит наша Машхура-хон. Ставит ведро на асфальт и внимательно смотрит на нее.

– Да, – кивает головой, – это я... это я... это я...

Так в то утро в нашем подъезде стало два Шпион Иваныча и две Машхуры-хон. Честно сказать, насчет Шпион Иваныча никто особенно не радовался, нам и одного вполне хватало. С маленькой Машхурой тоже было непросто: все время плакала и звала маму, а как ей объяснить, что мама ее уже два года вот как выдала ее замуж, так вскоре благополучно в другой мир переселилась, пусть земля ей будет пухом, хорошая была женщина... Попробовали расспросить Машхуру, как она в наше время попала. Оказалось, ездила на седьмой этаж, касу с пловом отвозить, мама послала, потом обратно села на лифт, и в 2011 год приехала. «Мама

² Амака – дядя (по отцу), уважительное обращение к пожилому мужчине.

меня там, наверное, сейчас ждет!» – «Не плачь, – говорим, – наверное, ты все-таки тогда к маме вернулась, раз потом выросла, школу закончила и замуж вышла и в соседней комнате сейчас лежишь, в себя прийти никак не можешь». Там, в спальне, действительно Машхура-хон, взрослая, плакала, тоже понять состояние можно. Вышла утром подъезд помыть, и вот помыла, называется.

Только поговорили, успокоились – ассалому алейкум! – открывается лифт и...

Вечер. Пахнет политым асфальтом. Возле подъезда Сухроб-ака и Кадыр, муж Машхуры, стучат ногами.

– Что-то надо делать, ака, – бросает кубики Кадыр. – Пять-шесть... Сегодня еще три человека на лифте приехали. К Фарруху из пятнадцатой, к тете Зое, которая с кошками...

– Да, слышал. Три-два... Зоя-опа вообще ее конкретно пускать не хотела. Я ей говорю: «Посмотрите, это же вы, вы, только двадцать лет назад». А она: «Оставьте меня в покое, я одинокий пожилой человек!» Я говорю: «Ну вот и не будете одинокой... Будете теперь в лице себя за собой ухаживать!»

– А она?

– Которая?

– Ну, настоящая Зоя-опа...

– Обе – настоящие, я документы проверил. Так ее и не пустила. Пусть, говорит, уезжает, откуда приехала... Три-три!

– Да, теперь та, молодая тетя Зоя, там на ступеньках сидит и ждет. Машхура ей лепешку отнесла...

– Какая из двух?

– Маленькая Машхура... Шесть-один. А может, правильно сделала Зоя-опа, что не пустила. Шпион Иваныч пустил – вчера уже «скорая» приезжала, сердце.

– Подожди...

– Что?

– Слышишь? Лифт остановился.

Из подъезда выходит Марлен-ака с четвертого этажа.

Игроки вздыхают с облегчением.

Здоровается, садится рядом. Закуривает, роняет сигарету, ищет ее под скамейкой.

– А мы думали, это еще кто-то оттуда приехал, – говорит Олим-ака.

– Ну вот, в лужу упала! Не могу больше! – вылезает из-под скамейки Марлен-ака. – Послушайте только! Мало ему, что я ему выделил свой диван, отдал свой мобильный, сам, как ишак, старым пользуюсь...

– Вы это о своем госте? Три-пять...

– Так он еще на старуху мою начал заглядываться!

– Это психология, – замечает Сухроб-ака. – Вы же на нее тоже когда-то, наверное, заглядывались. А он – это вы.

– Я ему говорю: посмотри, сколько вокруг молодых есть! Некоторые даже с квартирами... Моя Фарида тебе в матери годится! Еще водку откуда-то притащил...

– Это всё, всё – психология. Вы же сами, пока не завязали... А он – это вы.

– Сидит, понимаете, на моем диване и любезничает с моей законной супругой. А та уши развесила, супом его кормит. Я понимаю, что он – это я... Но я же его старше!

– Пять-пять...

– Сухроб-ака, – Кадыр берет кубики и нервно вертит в пальцах, – вы же в паспортном столе работаете, сейчас начнется: прописка, мрописка, с этими людьми из лифта же надо что-то делать...

– Да, надо что-то делать! – присоединяется Марлен-ака.

– Ладно. – Сухроб-ака поправляет спортивные штаны и собирается уходить. – Что-то сегодня играть не хочется. И голова, как казан, гудит... Дома привет передавай.

– Сухроб-ака, завтра и к вам на лифте приехать могут! Уже к половине подъезда приехали. Думаете, раз вы в нашем подъезде недавно, не приедут? И к вам приедут.

– Когда приедут, тогда поговорим, – не оборачиваясь, отвечает Сухроб-ака.

Останавливается, замирает.

Скрежет открывающегося лифта.

Из лифта выходит человек в шлепанцах, майка, надпись: «Memento mori. Одежда для Вас и Вашей семьи».

– Красивая майка, правда? Брат подарил, его магазин. Могу дать телефон, если что.

Мимо, торопливо оглядываясь, проходит Сухроб-ака:

– Оперативная обстановка без изменений? Еще гости не приезжали?

– Пока тихо.

Сухроб-ака поднимается наверх, шаги стихают.

– На чем я остановился? Да, вот так к нам за какие-то три-четыре дня столько народу приехало. Кто-то из девяностых, но в основном из начала восьмидесятых. С ними пришлось, конечно, политинформацию провести. В ближайший супермаркет сводить. Что в очередь около каждого продукта вставать не надо, объяснить. Вначале, когда гостей было еще мало и некоторые даже им радовались, Сухроб-ака предложил им экскурсию по городу организовать, чтобы они посмотрели новостройки, как у нас тут все поменялось. А потом они как из лифта полезли...

Спускается, выходит из подъезда, здоровается с Кадыром, идет дальше.

– Один раз лифт останавливается, а из него – восемь гостей! «Надо же, – кто-то смеется (конечно, тот, к кому еще не приезжали), – лифт резиновый, что ли?» – «Лифт, может, и резиновый, – кричит Бриллиант Садыковна, – а квартира у меня не резиновая! Мне одного сына-балбеса хватало, а теперь их у меня – четверо». Ничего, говорим, Бриллиант-опа, скоро, может, матерью-героиней станете. А она: «Я вам сейчас такую... мать-героиню покажу!» И давай на нас, что она одна и в хокимиат звонит, по поводу этого безобразия, и подписи собирает, а мы только «ла-ла»...

Идет молча. Пробегают дети.

Женский голос: «Ра-а-но! Рано-о-у! Твой Сарвар из лифта опять моих детей в пионеры принимает! Спустишь, скажи, чтобы глупостями не занимался!»

– Мы, конечно, тоже обращались. Первым делом лифтера вызвали, чтобы все устранил. Без толку! Один лифтер пришел – посмотрел, другой... «Что вас не устраивает? Лифт работает! Можем только отключить». Мы даже собрание подъезда провели по этому вопросу – тайное, чтобы гости не узнали. Одни говорят – отключить, и точка! Другие: «Подождите, может, эти люди, как на лифте приехали, так на нем обратно в прошлое и укатят; не надо им путь к отступлению отрезать!» Да, у многих такая гипотеза была, даже эксперимент устроили: посадили маленькую Машхуру на первом этаже в лифт, нажали на седьмой этаж, дверцы закрылись... На седьмом этаже другая часть наблюдателей расположилась. Ждем, что будет. Доедет – не доедет? Доехала... После этого уже большинство было за то, чтобы лифт отключить. Даже те, которые на верхних этажах, тоже согласились, так их эти двойники достали. Но пока лифтера дождались, еще человек шесть приехало, кто из восьмидесяти третьего, один даже из семидесяти восьмого, хотя наша девятиэтажка тогда только строилась. Ладно, пришел наконец лифтер, поковырялся; сказал – отключил. А на следующее утро...

Раннее утро, комната. Стрекот сверчка. Под пологом из марли лежат Кадыр и Машхура. Кадыр мрачно разглядывает марлю.

– Я так не могу больше. Давай уедем. Поедем в горы, как люди. Пусть эти себе живут, как хотят.

– А родителей – тоже в горы возьмем?

– И родителей. Они тоже еле держатся. Слышала, как мать вчера ночью плакала?

– А этих здесь оставить?

– Да, пусть тут сидят.

– А если они потом нас обратно не пустят?

– Как не пустят?

– Ну, вот когда вернемся, и не пустят. Места мало, им тоже тесно. Потом ходи доказывай.

Кадыр уткнулся небритым подбородком в подушку:

– Сколько раз я думал о детстве... Так хотел туда вернуться! А теперь оно само ко мне... Поедьте все-таки в горы, а? Чимган, Бельдерсай, воздух, тишина...

– А вы знаете, сколько проживание обойдется?

– Мы в детстве всей семьей туда ездили, и ничего.

– Так это когда было!.. А наших гостей кормить, одевать на какие деньги, вы об этом подумали? Рано-опе с первого этажа повезло: к ней уже взрослая Рано-опа приехала, она ее сразу в кафе пристроила...

– Что все «деньги, деньги»... Засыпаю: «деньги». Просыпаюсь: «деньги». Давай сами, просто уедем. – Придвигается к Машхуре. – В горы, куда хочешь... Только чтобы без этих, вдвоем.

– Ну что вы делаете... Жарко... И эти сейчас услышат, уже проснулись.

– Нет, спят еще. Всю ночь музыку слушали.

– Ну, не надо. Говорю вам, не спят.

– Все этот проклятый лифт... – Резко садится. – Слышите?

– Ну что?

– Опять зашумел!

– Вам показалось. Его вчера лифтер приходил, отключил...

– Значит снова включили! – Соскакивает, на ходу впрыгивает в одну штанину. – Или сам, собака, заработал! Слышите? Опять к нам!

– Почему вы так думаете? Может, не к нам...

Кадыр выскакивает в коридор.

Из соседней комнаты на него смотрят три Кадыра. Двое, подростки, играют на курпаче в карты. Один сидит на горшке. Маленькая Машхура просыпается и зевает.

Повозившись с замком, Кадыр выбегает в подъезд.

– Кадыр-ака! – слышен из квартиры голос Машхуры.

Звук остановившегося лифта.

Кадыр бросается к дверцам и сжимает их, не давая открыться. Дверцы дергаются. Сжимает сильнее, прижимается лицом к дверцам:

– Всё! Не выйдете!

Из кабинки голоса: «Откройте! Откройте, что за хулиганство!»

– Кадыр! – выбегает в подъезд Машхура, застегивая халат.

«Откройте, здесь люди, здесь дети, вам говорят!» – колотят изнутри.

– Не выйдете... Их нельзя выпускать!..

Машхура, два Кадыра и маленькая Машхура пытаются оттащить его.

Крики.

«Жизнь невозможно повернуть наза-а-ад... И время ни на миг не остано-овишь!»

Вечер. На площадке в пыли играют дети. Со второго этажа поливают из шланга.

«Пусть необъятна ночь, и одинок мой дом...»

Человек в футболке стоит возле подъезда.

Что-то говорит, но его не слышно – с лоджии первого этажа гремит музыка.

«Еще идут старинные часы!»

– Ра-ано! – кричит человек в футболке. – Рано-хон! Музыку тише сделайте!

Выглядывает Рано в питательной маске:

– А, здравствуйте, сосед, как здоровье? Что ваш брат, как у него дела, когда опять скидки делать будет?

– Ну, пока сезонной распродажи нет... Рано-хон, музыку, пожалуйста, тише сделайте.

Людям ничего не слышно, что я рассказываю.

– А, хорошо... Не любите музыку, да?

– Люблю, только другую.

– А у меня другая тоже есть. Могу поставить...

– Я вам человеческим языком говорю – я тут рассказываю, а вы со своей музыкой! Не нравится, сама выходите, рассказывайте.

– Э, куда я сейчас выйду? Только маску Мертвого моря на лицо наложил!

Прячется. Музыка становится тише.

– Ладно, быстро расскажу, пока еще где-нибудь не включили. У нас люди не умеют просто тишиной наслаждаться... В общем, в то утро лифт снова заработал, снова гости прибыли, а Кадыржона положили в больницу... Нет, спасибо, ничего серьезного – просто нервы. Снова собрание, участковый пришел, председатель махаллинского комитета речь произнес. Главное – нам наконец поверили. А то сколько писем и заявлений писали – в одних местах их вообще отказывались принимать, в других: «Ждите пятнадцать дней». Да через пятнадцать дней мы вообще в подъезде друг на дружке сидеть будем! А в одном месте прямо в лицо сказали: «Нам, конечно, иногда отдельные ненормальные люди пишат, но чтобы психи коллективное письмо писали, это первый раз». Короче, на том собрании нас наконец услышали, пообещали, что комиссию пришлют. Но комиссия все не приезжала, а гости, наоборот, всё приезжали. Два-три человека в день – как по плану. Дошло до того, что один жилец, не буду называть имени, родного отца на порог не пустил. «Всё, – кричит, – у меня уже четыре родных отца разного возраста в квартире сидят, хватит, комплект!» Соседи ему: ну, возьмите пятого родного отца, у нас тоже дома у каждого по несколько дубликатов, каждое утро в туалет очередь, ничего, терпим...

Из подъезда выходит Шпион Иваныч. Он постарел, стал ходить с палочкой и разговаривать сам с собой.

– Это форменное безобразие. – Останавливается у подъезда. – Каждый день – новые люди. Кто их проверял? Кто просматривал их личные дела? Кругом халатность. Надо было посадить на каждом этаже возле лифта человека. Чтобы проводил собеседование, как положено, с каждым – индивидуально. Досматривал вещи. Спрашивал, имеются ли родственники... в прошлом.

Уходит, разговаривая и постукивая в такт палочкой.

– Так что дальше было, расскажите! Про экскурсию! – выглядывает Рано.

– Вы что, подслушивали, что ли?

– А что еще делать? Музыку не даете слушать...

– Хоп. В общем, чтобы гости поняли наконец, в каком времени они находятся, и не задавали разных вопросов... Короче, решили все-таки устроить для них экскурсию по городу. Центр города посмотрят, увидят, сколько всего нового построено. Что улицы сейчас совсем не такие, и дома другие, и машин сколько. Короче, жарким майским утром...

Площадка перед подъездом. Под орешинной стоит экскурсионный автобус.

Четверо Кадыров по очереди заходят, поднимают младшего. «А мороженое там будет?» – спрашивает уже в салоне маленький Кадыр, пробегая мимо сидений.

Машхура-хон поправляет платье на маленькой Машхуре: «Слушайся Кадыр-ака!» – «Какого из них?» – «Любого... Какой-нибудь из них в будущем женится на тебе». – «Я хочу выйти за прекрасного принца!» – «Я тоже в твоём возрасте хотела. А вышла за Кадыр-ака. Он сказал, что, когда выйдет из больницы, мы все поедem в горы». – «Я хочу сейчас в горы!» – «Сейчас – на экскурсию...»

Шпион Иваныч-1 дает последние инструкции Шпион Иванычу-2: «Бдительность и только бдительность! Автобус не настоящий; водитель, сразу видно, никогда за руль не садился; экскурсовод – переодетая женщина». – «Это я и сам заметил. Но вы еще не обратили внимания, что все, кто садится в автобус, находятся в заговоре!» – «Ты еще будешь меня учить! То, что они все в заговоре, это настолько понятно, что я даже не считаю нужным о таких пустяках говорить!»

Две Бриллиант Садыковны периодически отсылают одного из четырех Олимов домой, чтобы быстро переоделся. Наконец одна Садыковна залезает в автобус; женщины еще долго переговариваются через стекло.

Но вот все гости расселись; Сухроб-ака желает всем интересной экскурсии и вылезает. Автобус отъезжает; сквозь затененные стекла видны экскурсовод с микрофоном, внимательные лица сидящих. «Вы увидите, как изменился наш город в последнее время...» Оставшиеся машут, расходятся. «Хоть полдня от этого алкаша отдохну!» Марлен-ака пытается закутить и роняет сигарету. Автобус выезжает на улицу и исчезает из виду.

Утро в девятиэтажке.

На первом этаже пахнет жареным луком, открывается дверь, дети уходят в школу, топают вниз, дверь закрывается, запах лука остается. На пятом этаже выходит Сухроб-ака, рубашка, галстук, дезодорант. «Та-а-ак!» Муха замирает по дверце лифта. «А может, и не так», – поправляет себя Сухроб-ака и жмет на кнопку вызова.

«Кисочки! Кисочки! Мои кисочки!» Мария и Антуанетта залетают в приоткрытую дверь. В проем высовывается седая голова в очках: «Зоя... Зоя, ты здесь? Зоя, это я, Зоя. Заходи». Тишина. Голова исчезает обратно. Дверь закрывается. Замок, цепочка.

Машхура-хон на первом этаже отжимает тряпку. Звук открывающегося лифта. Опираясь на палочку, спускается Шпион Иваныч: «А, убираемся? Субботник делаем? Молодец! Есть идея провести конкурс на звание лучшей невестки нашей девятиэтажки... – Недовольно глядит на налитые на ступени лужи, хочет что-то сказать. Но вместо этого спрашивает: – Не устаешь ты так, каждое утро?» Машхура поднимает голову: «Нет. Привыкла». – «А Кадыр как? На нервы не жалуется? Пусть таблетки пьет. Ну, приветы всем передавай». Спускается, выходит из подъезда. Машхура-хон удивленно смотрит вслед, вздыхает, отжимает тряпку.

Двумя этажами выше открывается дверь. Выходит человек в шлепанцах, на нем новая майка.

– Да, вот так оно и кончилось. Вначале связь с экскурсионным автобусом была нормальной. Те, кто старше, звонили, делились впечатлениями. Говорили, город так изменился, все так изменилось, узнать нельзя. Что все очень красиво, но непривычно. Последней позвонила, кажется, Бриллиант Садыковна-2 и сказала, чтобы не волновались, их отвезут после экскурсии обратно. Ну, «обратно» – значит к подъезду, что уж тут волноваться! А потом связь исчезла. «Абонент находится вне зоны доступа». Ждали автобус до вечера, так и не вернулся. Сухроб-ака звонил в бюро, с которым договаривался, – там ответили, что такого автобуса у них вообще не было и такой заявки они не принимали. Короче, не вернулись. А может, вернулись – но не к нам, а...

Нажимает на кнопку лифта.

– Подъезд два дня не в себе был. Одни радовались, другие горевали, третьи то радовались, то горевали. Приехала наконец комиссия. Посмотрела на нас, головой покачала. Поговорила с людьми. К Кадыру в неврологическое отделение съездили. Выслушали Бриллиант Садыковну, которая все плакала и просила отыскать ей трех исчезнувших Олимов, которые ее слушались и уважали, не то что этот оболтус, который кандидатскую всё не защищает... А потом, как в сказке, всем нам путевку на пять дней в горы выдали, в санаторий. Мы ушам своим не поверили, когда нам это на собрании подъезда объявили. Вот, завтра сядем всем подъездом на автобус и поедем!

С силой жмет на кнопку.

– Что такое? Опять не работает!

– Не работает, ака! – спускается Сухроб-ака. – Надо опять лифтера вызывать!

Сверху раздается голос Бриллиант Садыковны:

– Сколько можно! Всю кровь из меня уже этот лифт выпил... Олим, опять ты в этой рубашке? Я тебе какую приготовила, а ты что на себя нацепил?

– Взорвать этот лифт надо! Вы мою сигарету здесь на ступеньках не видели?

– Кисочки мои, кисочки...

– Почему это «моему лифтеру»? Весь подъезд на лифте туда-сюда, туда-сюда, а как поломка – сразу: «Бриллиант Садыковна! Бриллиант Садыковна!»

– Э, зачем цирк в подъезде устраиваете? Завтра в санаторий едем, потом лифтом будем заниматься!

– Мария! Антуанетта! Домой!

– Я вам сейчас «взорву»! Вы лифт не строили, не вам...

– А у вас, как ни пройдешь, луком несет...

– Была бы я сейчас на двадцать лет моложе, я бы вам сейчас такое...

Постепенно все стихает. Слышны стрекот сверчка, треск сорок, звуки проезжающих вдалеке машин, хлопанье дверей. Белые бетонные плиты, лоджии. Распахнутые, пока еще не так жарко, окна. Утро в девятиэтажке. Обычное утро в обычной девятиэтажке.

Совращенцы

Льет грязный дождь.

Туземный город разбухает, Скопцову то и дело приходится форсировать лужи и арыки. Сапоги квакают, как лягушки; насморка не миновать. Рядом, весь мокрый, бежит Груша, показывает дорогу. И охота сартам в такой дождь скандалить! Лицо у пристава рябое, глаза неопределенные. Походка тяжелая, как и положено по должности. По случаю праздника выбрит до самоварного блеска, только к чему этот блеск под такими струями?

Им открыли. Собачьим инстинктом Скопцов двинулся через дворик куда нужно. К их приходу скандал успел остыть, крик был, но уже вялый и неопасный. До убийства не дойдет, стало обидно за вымокшую одежду.

Тут выглянуло женское лицо. Голое, без обычной на себе тряпки. Бледное, не местное. Под левым глазом – известное украшение.

А потом еще одно лицо, женское, и тоже не туземное.

Скопцов откашлялся.

* * *

1913 года апреля 27-го дня город Ташкент. Я, пристав 3 уч. г. Ташкента Скопцов, опрашивал сожительствующую в настоящее время с ташкентским сартом Сибзарской части Мир-Азимом Мир Татжибаевым крестьянку Саратовской губернии Аткарского уезда Александру Никифоровну Свободину, 16 лет от роду, которая объяснила, что девять месяцев тому назад при работах на виноградных садах в районе Ташкентского уезда она впервые познакомилась с Мир Татжибаевым. Приблизительно через месяц после знакомства она окончательно сошлась с ним и вскоре потом по уговору Татжибаева уехала с ним в г. Оренбург.

В Оренбурге они прожили полтора месяца, и там какой-то мулла по магометанскому обряду их перевенчал. С того времени она, Свободина, живет с Татжибаевым как его жена, исповедывает магометанскую веру и придерживается всех мусульманских обычаев.

Причиной перехода в магометанство ей послужил родной отец, который лет шесть тому назад отпал от православия и объявил себя магометанином. Теперь отец Никифор Абрамович живет неизвестно где. Мир-Азим Татжибаев, которого она считает мужем, не склонял ее принудительным образом отпасть от православия. Вышла она за него в замужество по магометанскому обряду только потому, что убедилась, что человек он хороший и с ним она может безбедно просуществовать всю жизнь.

Вот тебе и яичко к Пасхе! Шел на сартовское безобразие, напал на саратовскую бабу. Сидит побитая, синяк ладонью маскирует да еще жеманничает сквозь сопли. В соседней комнате хнычет ее сестра.

И такие бабы не первый случай. Насыпало сюда переселенцев, думали, в Туркестане горы золотые, потом мык-мык без земли, у самих – дети. Кого детей не могли насытить, стали тайком рассовывать по богатым туземцам, стыд и только.

– Подпиши!

– Чего?

– Слова свои подпиши.

Они в участке, в окне греет солнце, подсушивая натворенные дождем дела.

В носу пристава чесалось, словно туда забралась муха; чихнул, вытер простудную слезу. «Все от сырых ног. – Поглядел на бабу. – Дура!»

– Крестик рисуешь? – спросил он, заметив манер, которым подписалась.

– Крестик, – ответила баба и на всякий случай снова зарыдала.

– Что ж тебе в православии скучно было? Что ж ты от крестика-то... Что вздыхаешь?

– Да о сестре подумала...

«Сестру надо тоже в протокол, – подумал Скопцов. – Но сначала этого...»

Этот, сожитель ее, сидел на лавке и будто дремал.

Обычный сарт, борода торчком. «Накормил ее, пригрел, она и влюбилась. А может, и любопытство детское толкнуло: “Интересно с черненьким!” Мозги-то еще несовершеннолетние...”

Поманил его:

– Менгя келинь!

Тот очнулся и заиграл желваками.

Спрошенный Мир-Азим Мир Татжибаев, проживающий в махале Парчибак в собственном доме объяснил, что с Александрой Свободиной он познакомился впервые в виноградных садах Ташкентского уезда, арендуемых Аванесовым. Склонила к знакомству сначала сама Александра, она стала усиленно за ним ухаживать и предлагала вступить с ней в любовную связь. Первое время он опасался каких-то неприятностей, но впоследствии решился. Но когда Свободина стала его уговаривать вступить с ней в магометанский брак, он этого обстоятельства напугался и уехал от нея в г. Оренбург. Но внезапно, недели через две, прибыла туда Свободина. Никакой мулла их не венчал в Оренбурге, а какой-то грамотный татарин или сарт прочитал им молитву магометанского бракосочетания, и с того времени они и живут как муж и жена. Свободина исповедывает теперь магометанскую веру и окончательно отпала от православия. Все это было сделано по добровольному желанию Свободиной, и он, спрашиваемый, ни к каким ухищрениям лести жениться на ней не прибегал. Имя и фамилию того человека, который читал молитву магометанского бракосочетания, он не знает и не может указать, где он живет.

Подпись сартовская.

«Соловей!» – злился Скопцов, занося всю эту ерунду в протокол. В лицо Мир Татжибаева он уже не смотрел, устав от его наглого выражения. Наглое и опасливое, с подмаргиванием. Хотел даже приказать, чтоб не моргал. «Соловей какой! Сама, мол, на шею ему кидалась. А она сидит ему в синяках и подпевает».

Скопцов вздохнул; от своей половины такой преданности он не наблюдал. «Потому что жестче с бабами надо. Кулак показывать иногда, чтобы не забывали, как оно выглядит». И поглядел на свой солидный кулак; сарт заморгал еще чаще.

– Ну вот что... – начал Скопцов. И перебил себя чихом. «Заболею, – подумал, отираясь. – А-а! Горы все синим пламенем...»

Синее пламя разорвало небо.

Епархиальный противомусульманский миссионер-проповедник отец Елисей Ефремов раскрыл зонт.

По зонту зачастило, но не сильно. Дождь таял, почти не касаясь земли. Душно. Город растворялся за спиной. Впереди, в очищенном воздухе, желтела степь. Кое-где еще облака, но вид их миролюбивый. Вдали красовались своими вершинами горы.

Отец Елисей ехал в Свято-Николаевский монастырь.

Лентой тянулись туркестанские тополя с серебристой с испода листвой. Навстречу попадались сарты в пестрых халатах; охая на всю степь, тащились арбы. Иногда выглядывали две-три сартовские мазанки, с неизбежной чайханой и треньканьем двуструнного саза.

В саквояже миссионера-проповедника трясся двойной бутерброд и обернутый «Туркестанскими ведомостями» Ф. Нитше «Так говорил Заратустра», едкая книга.

В монастыре миссионера ждало дело сестер Свободиных.

Дело было начато еще весной. Пока летали меж ведомствами бумажки, наступил июнь. Отец Елисей тоже все был занят докладами. Ислам наступал, и забот у противомусульманского миссионера-проповедника хватало и без любвеобильных сестер.

Но тут дело просочилось в местные газеты. В монастырь, куда определили Свободиных, явились корреспонденты и фотограф с техникой. Игуменья Лидия встретила представителей прессы кротко, прогуляла их по монастырю, до Свободиных не допустила: «Поймите, господа, их состояние...» Господа несолоно хлебавши осмотрели еще монастырскую птицеферму, сделали пару снимков и вернулись в город даже несколько одухотворенными.

Но раз замаячила пресса, медлить нельзя, так и до Петербурга дойти может. Да еще Александра, старшая, вот-вот должна произвести маленького сартёнка. Пришлось отцу Елисею захлопнуть «Заратустру» на любопытном месте и потащиться в монастырь, обдумывая слова, с которыми надлежало обратиться к падшим. В голове, однако, творилась полная заратустра. «Приеду – обдумаю», – сказал себе отец Елисей и достал бутерброд.

Порыв ветра вывернул тополиную крону. Впереди, влево от дороги, глянул куполок монастырской церкви.

Рапорт его Высокопреподобию Благодинному церкви города Ташкента Алексею Иоанновичу Маркову.

Вследствие предписания Вашего от 6 июня 1913 года за № 275 о производстве увещания русским девицам Александре и Марии Свободиным, имею честь донести, что мною увещание было сделано совместно с игуменьей Монастыря 12 июня 1913 года.

При увещании представилась такая грустная и страшная картина! Здесь видно только одно: грязь, грязь и грязь... Глава семьи, отец, Саратовской губернии крестьянин Никифор Абрамов Свободин, 50 лет, был православный, хорошо грамотный, служил на Средне-Азиатской железной дороге, здесь его уволили, потом объявил себя магометанином, все время живет у сартов, стал лекарем (табиб) среди туземцев, ходит все время по базарам в различных городах Туркестана, тут же на базаре лечит различными снадобьями, пьяница, расточитель, занимается продажей своих девочек и мальчиков еще несовершеннолетними сартам, имеет детей 9 человек, 5 девочек и 4 мальчика, девочки проданы сартам, а мальчик продан в Персию, живет тайно в Ташкенте в старом городе, часто меняет местожительство, жену бросил, сожительствует с другими, от имени сожительницы Ирины Васильевны Константиновой, как заявили дети, посылает письма своим дочерям, находящимся в монастыре, подсылает ее в монастырь для того, чтобы вырвать из монастыря и передать сартам, Никифора Свободина лет пять тому назад разыскивало еще Туркестанское общество религиозно-нравственного просвещения.

Особый тип – его жена Елизавета Давыдовна Свободина, окончив торг своими детьми, ведя развратную жизнь, она отправилась в Скобелев и там живет на вокзале, она немка.

Отбеседовав, отец Елисей вышел во двор.

Природа радовалась и шелестела, а на душе было не так. На душе было пыльно и тяжело, без воздуха. Паутинно, будто в подвал голову сунул.

Зазвонили к вечерне.

Церковь изнутри была уютной, светлой. Очень женской какой-то. Он давно заметил, что церкви при женских монастырях отличаются неувлочно от церквей при мужских, и объяснял это по Вейнингеру. В остальном церковь обычная. Иконостас в два яруса, крашеный белой масляной краской; в алтаре три окна. Вспыхнул и истлел закат; «Великое славословие», очень женское, грудное.

После службы стоял на воздухе и наблюдал луну. Беспокоил оставленный в саквояже Нитше. В голову лезли всякие мысли. Начитанные, надышанные от типографского свинца. Выпитые глазами из срамных фотокарточек, которые как-то выпали из подушки сокейника его, еще в семинарии: задохнувшись, бросился их жечь – корчились в пламени тела, лица...

Ходил по воздуху, отгоняя от себя прошлое.

Сердце от вечерни размягчилось, ум был тверд и напряжен.

«Сердце – это вагина духа; ум – его фаллос, – лезли мысли. – Сердце все чувствует, все в себя принимает, в мягкости свои...»

Поглядел на окно Свободных.

О чем сейчас думают, о чем рассуждают сереньким своим умом?

В окне пошевелилось.

Александра? Мария? С животом значит Александра. Которая на виноградниках...
Песнь Песней. «Пойдем в виноградники...»

– Отец Елисей!

Это от игуменьи. К ужину просят.

Еще раз глянул на свободинское окно. Там внутри словно ощутили. Задержались противомушиной кисеей. «О сартах мечтают», – решил отец Елисей.

Вытаращил глаза и зашагал к ужину.

Луна вытягивала из отца Елисея тень и волочила ее за ним по траве.

Дети их находятся в монастыре. Дочь Александра родилась в Асхабаде 9 апреля 1896 года, беременная, сошлась с сартом в саду, приняла ислам, обвенчалась с сартом, ездила для этого в Оренбург, исполняет все мусульманские обряды, знает язык туземцев, оправдывает сожителя, что он ее не совращал, живет с ним как с хорошим мужем, безбедно, раньше она была голодна, раздета и холодна, любит она сожителя-сарта, никогда от него не разлучается, разлучит их только смерть, если ей не придется сойтись с сожителем-сарт, то она отравится или удавится, она продана отцом, ходит без креста, молитвы не совершает и от ограждения себя крестом отказывается. Просит, что, когда родится у нея ребенок, о крещении ее никому не говорить, чтобы об этом не узнал сожитель-сарт.

Сестра ее Мария родилась в Чарджуе 19 марта 1898 года, продана сарту, несовершеннолетняя, давно заражена болезнью с изъязвлениями и ранами на теле, но и все это не удерживает ее от пагубной жизни, в монастыре надела крест, ходит в церковь, молится по-православному.

Она послужила главной виновницей задержания ее с сестрой. Когда наступила Пасха, она заявила сожителю сарту, что она желает Пасху встретить по-русски с пасхальными крашеными яйцами, она подняла рев и скандал, требуя от сожителя пасхальных яиц, сарт удивился и стал ее бить, тут вмешалась полиция, ее с сестрой вырвали из рук сартов и препроводили в монастырь, она о себе ничего не говорит, а горюю стоит за сестру и просит позволить сестре продолжать сожительство с сартом.

Комната настоятельницы чистенькая и приятная.

Луны здесь не чувствуется; освещение керосиновое, с едва слышным запахом. Скоро сюда ожидается электричество, хотя монастырю оно не в надобность, живут по солнцу. «Но

гостям будет удобнее с электрическим светом», – говорит настоятельница. Отец Елисей, все еще в своих лунных мыслях, слабо кивает.

Чай с монастырским печеньем и сотами. За столом еще пара насельниц и батюшка здешний. Батюшка молчит. Отец Елисей глядит на соты и мечтает.

– Электричество – грех! – говорит убежденно. – Это словно лунный свет в каждое жилище вползает и мертвым сиянием озаряет все. Голую материю освещает, а дух гасит. Ночью дух сильнее, нельзя механическим светом его глушить.

Игуменья виновато улыбается, словно электричество – ее собственная выдумка.

– Сейчас столько говорят о технике... Не знаешь, кого слушать. Редко образованный человек к нам приезжает.

Отец Елисей понял, куда намек, и отер губы:

– Образование – еще не все.

– Вы арабский язык знаете...

– Изучал.

– А китайский? – подала голос одна из застольниц.

– Не приходилось.

– Я слышала, китайский очень тяжелый. В нем такие звуки!

– Не тяжелее арабского, – отрезал отец Елисей.

Матушка Лидия, в очках, рассказывала об обители. Отец Елисей управился с сотами, взболтал пальцем бородку и слушал.

Насельницы занимаются разнообразными отраслями хозяйства. И хлебопашеством, и скотоводством. И садоводством, и пчеловодством. Есть и своя рукодельная, где выполняется много частных работ по вышивке золотой и серебряной нитью. Рукодельницы обшивают и сам монастырь; матушка показала салфеточку.

– Симпатичная! – одобрил отец Елисей.

Ему, наверное, ее подарят: интуиция шепнула.

По остывшему самовару ползет муха. Отец Елисей следит за ее движением. Уютный, круглый мир монастыря выталкивает его из себя, как чуждое тело.

– День строго распределен, – тихо барабанит настоятельница, чувствуется: не ему первому. – В полпятого утра уже все на ногах, на утреннюю трапезу у нас подают квас с огурцами или щи с капустой или постным маслом. В праздничные дни трапеза после обедни в 11 часов, кроме щей у нас каша с постным маслом, в обеде получается вместо двух – три блюда. А в двенадцатые бывает и четыре: прибавляется картофельный суп или холодная рыба. Ужин обыкновенно по кельям; подают то, что осталось от дневной трапезы. Чай и сахар у сестер свой, одежда своя. Более состоятельные помогают в житейском обиходе остальным...

Сославшись на необходимость дописать доклад, отец Елисей поблагодарил за ужин и приподнялся. Его сопроводили в гостевую. Лампа заливала постель светом, в окне беспокоился сад.

Отец Елисей вытряс из саквояжа Нитше и перечитал, сопя, о трех превращениях духа. В этой главе его всегда занимало: чем – верблюдом или львом – является его, отца Елисея, дух. Подозревал, что – львом.

В чулках стало жарко, стянул их.

Голые ступни обрадовались воздуху, и на душе стало свежее. Материален человек!

Ступни у противомусульманского миссионера были белые, слегка грязноватые. Сказывались условия: лето и пыль.

Отец Елисей зажмурил глаза и приоткрыл рот. Хотелось быть сверхчеловеком...

Грех, конечно. Но уж очень иногда фактурно представлял себя в этой роли. Только брюшко бы убрать. Небольшое, но обидное, располагающее к шуточкам.

Ласково хлопнув себя по этой части тела, поднялся к столу. Письменный прибор поблескивал, звал к работе. Луна ломилась в окно, перебивая свет лампы.

В членах было беспокойно.

Отец Елисей обмакнул перо и пошевелил губами.

Соблазнитель и совратитель бухарец Миразис Муртазабаев, 33 лет, живет в Махале Парчибак, его можно характеризовать словами Абу-Сафьяна, «этот верблюд так жажен до женщин, что его никакой намордник не удержит», он уже до этого совратил одну русскую девушку, имел от нея двоих детей, а теперь прогнал, имеет он дом, торговлю в Оренбурге, сад и арендует сады у других, хитро уговорил соблазненную Александру принять всю вину на себя, что Александра сама усиленно ухаживала за ним.

«33 года... Интересно, есть ли у него живот? – Отец Елисей отер пот. – У сартов часто встречаются животы. Они ими, кажется, гордятся и чуть ли не хвастают друг перед другом...»

Перечитал. Красиво.

Хотелось еще ввернуть что-то про живот и заплывшие жиром глазки совратителя – прямо видел их! Ограничился цитатой с верблюдом.

Увещание. Увещание было сделано отпавшим в настоятельских комнатах, в присутствии игумены. При увещании открылась вся грустная сторона их жизни, они основывались на свободе, данной во всем, кто как хочет, так и живет, указывали на свою бедность и заброшенность, на пример отпадения не только мирян, но и священника Громова, портрет которого был помещен в мусульманских газетах, указывали на многочисленность отпадений от православия в ислам, по их сообщениям, до 500 русских девушек после манифеста отпали в ислам, и в каждом дворе городов Туркестана найдется по 1–2 пары сожителей с сартами. Туземцы не любят своих сартянок за их покрывало, поэтому предпочитают русских девушек. При увещании обнаружилось полное незнание и непонимание ими догматов, заповедей и молитв, просили слезно сообщить им сведения о христианской вере. Охотно были им сообщены сведения о христианской вере в сравнении с магометанской, о грехах любодеяния, прелюбодеяния, в особенности о пагубной и незаконной связи с мусульманами. Слушали со вниманием, благодарили, плакали, тут же дали собственноручную подписку, что они, не переходя в ислам, навсегда останутся в лоне православия. Подписка сия приложена к делу.

Отец Елисей недовольно выпил воды и решил выйти.

Во дворе красовалась июньская ночь. Природа в восточной томности, бесконечные цветы, на ветвях плоды земные. Особенно плодородна вишня: отец Елисей сорвал и продегустировал. Кислятина. Потянулся еще за одной. Освежает.

Поглядел на луну и отметил в ней нечто мусульманское.

Баритонально зевнул.

Окна келий раскрыты, виднелись желтяки лампад.

Прислушался.

К плеску воды присоединялись сомнительные звуки.

Вроде притихло.

Только сердце буйствовало. И ладони стали как не свои.

Снова послышалось. Отец Елисей отер ладони и пошел на звук.

Идти было светло, но наплыло облако, и предметы спрятались. Хорошо, что земля вся натоптана, и то пару раз оступился. Пройдя скотный двор – по запаху угадал, – оказался в неразработанной еще части монастыря.

Отсюда и шептало.

Было темно, но глаз уже свыкся. Пройдя вдоль стены, выглянул.

На полянке шло ночное свидание.

Четыре фигуры образовывали кружок и шептались на сартовском наречии. Две женские, знакомые уже, и две мужские в халатах.

Отец Елисей сглотнул сухую слюну.

В кружке тем временем замолкли, пошла возня и известные вздохи...

Потом разделились, две фигуры, мужская и женская с животом, уселись на поваленное дерево и застыли, другие две отошли во тьму.

Отец Елисей дышал и пытался сообразить план действий. Одному выступать против двух разгоряченных азиатов рискованно; в руках сидевшего подле Александры виднелась плеть, да и о привычке туземцев таскать с собой ножи он был наслышан. Бежать за подмогой? Какая от монахинь подмога!.. Да шум поднимется, дело получит огласку, полезут слухи, газеты, насмешки, дойдет до Петербурга: увещевал, мол, а увещевленные в ту же ночь миловались со своими ромео!.. Страшнее всего, что он сам не мог оторвать глаз от этих темных фигур, от электричества, которым они горели словно изнутри, и гладил ладонью глиняную фактуру стены.

Облако сползло с луны; лазурный свет ударил в глаза.

Отец Елисей зажмурился и, не умея сдержаться, чихнул.

Тотчас услышал женский вскрик и топот убежавших. Двое перемахнули через стену. Застучали и стихли в далях копыта.

Одни сестры стояли перед ним, как призраки, и будто не замечали его.

Александра сидела на бревне, обхватив живот. Мария, поднявшись из травы, поправила сбитую юбку и огладила волос. Рот ее был приоткрыт, два верхних зуба блестели в ночном свете; глаза скрывались в тени.

– Как же вы так... – попробовал голос отец Елисей. – Как же вы...

Мария, отряхиваясь от налипших колосьев, пропела:

– То-шненько!

Лицо к луне, так что ее дурная болезнь видна до последней язвинки.

Отец Елисей набрал воздуха и ничего не сказал.

Только теперь почувствовал в руке Нитше, с которым, видно, вышел.

– Вот... Слушайте! – распахнул, быстро найдя нужное. – Слушайте!

Вознес к луне палец:

– «Не лучше ли попасть в руки убийцы, чем в мечты похотливой женщины? И посмотрите на этих мужчин: они не знают ничего лучшего на земле, как лежать с женщиной! Грязь на дне их души; и горе, если у грязи есть еще дух!»

Голос ему вернулся и звучал, как труба.

Перелистнул, комкая страницы:

– Вот... «И повиноваться должна женщина, и найти глубину к своей поверхности. Поверхность – душа женщины, подвижная бурная пленка на мелкой воде! Но душа... Но душа мужчины глубока, ее бурный поток шумит в подземных пещерах! Женщина чувствует его силу... Но не понимает ее...»

– Тошненько!

От шепота ее пахло сартовским насваем, дымом и пылью.

Выпутав последний колосок, Мария поднесла его к щеке отца Елисея и пощекотала...

Он проснулся в одежде.

Вокруг была гостевая комната, в окне угадывалось утро. Лампа горела, но бледно и бессмысленно.

Подошел к столу, постоял.

Письменный прибор, бумага с отчетом. Нитше. «Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!» Это подчеркнуто.

Молитвенное правило читал дольше обычного.

Освежив лицо водою, вышел во двор. От лунных безобразий не осталось и следа; земля была полита и обласкана солнцем.

За трапезой спросили, хорошо ли он спал.

«Здесь воздух все хвалят», – заметила матушка Лидия в очках.

Он спросил о сестрах.

Оказалось, ночью у одной из них, Марии, произошел припадок.

После завтрака отец Елисей гулял. Глянул на сестрины окна. Тишина.

Прошел огороды, преодолел разросшуюся смородину, скотный двор.

Остановился.

Вчерашнее место было перед ним – солнечное и покойное. Летали насекомые. Прошел, отыскивая следы, подобрал пару сухих колосков. Присел на сваленное дерево.

Наклонился, поднял.

Плетка.

Повертел в руках. «Найти глубину в своей поверхности...»

Сочно гудят пчелы, в самое ухо.

Резко и неумело хлестнул по ветвям. Дерево вздрогнуло, посыпался мусор.

Замахнулся еще раз, но не стал. Зашагал прочь, вскидывая руки.

Приношу благодарность настоятельнице монастыря игуменье Лидии, давшей приют этим несчастным. Она ласкала, советовала, приобретением одежды, обуви и белья много ободрила их. Но не можем умолчать и о том, как через этих пришедших епитимиец нарушается порядок дисциплины в монастыре, совершается поношение монастырю, неудобство родового процесса, циничные угрозы удавиться или отравиться!

Выдворять бы русских незаконножительствовавших девиц в европейскую Россию, тем пресечь соблазн и лишить возможности сблизиться с соблазнительями-сартами на выходе из монастыря или приюта. Сейчас девицы, находящиеся в монастыре, питают надежду, что по выходе оттуда они опять сойдутся с сартами, а совратители-сарты каждый день верхом подъезжают к монастырю, чтобы улучшить с ними свидание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.